

игумен Варлаам



КАМΠΑΝ
сказки и сказы

игумен Варлаам
Кампан (сборник)
Серия «Время – детство»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17924674
Кампан: Сказки и сказы: Время; Москва; 2016
ISBN 978-5-9691-1455-5

Аннотация

Эта удивительная книга напоминает сборники классических авторских сказок и вместе с тем она очень современна. Истории древности в ней чередуются с рассказами о дне сегодняшнем и притчами. Жизни вещей и людей в сказках игумена Варлаама оказываются тесно переплетены и до забавного похожи, а проблемы, с которыми сталкиваются герои, невероятно сложны, но совершенно понятны и взрослым, и детям. А то, что не даётся пониманию с первого раза, обязательно станет ясным со второго или третьего – погружаться в атмосферу этих сказок хочется снова и снова.

Содержание

Лягушка-царь	5
Ах, повилика!	17
Сухарь	25
Губка	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

игумен Варлаам
Кампан (сборник)
Сказки и сказы

© игумен Варлаам (Борин), 2016

© Софья Липина, иллюстрации, 2016

© «Время», 2016

* * *

Лягушка-царь



Жил на Верхних прудах Головастик. С малых своих – если говорить о лягушачьем веке, то дней – считал он себя особенным и оттого был очень заносчивым. Что заставляло его превозноситься над другими головастиками и лягушатами, не очень понятно. Однако он не упускал повода посмеять-

ся над другими, выказать себя с наиболее выгодной стороны и унижить других.

Когда вырос и превратился в Лягушонка, он стал ещё более самоуверенным. Ловко нырял, быстро плавал, скакал через луг к Нижним прудам и всё, что попадало в поле его зрения, подвергал немилосердной критике.

– Мы живём на Верхних прудах, – разглагольствовал он. – Верхние пруды выше, чем Нижние, значит, и мы выше тех, кто населяет Нижние пруды.

Впрочем, свои Верхние пруды Лягушонок тоже не жаловал.

– Скучотища тут! То ли дело жизнь во дворце!..

И начинал представлять себя царём. Вот он прыгает по дворцу в золотой короне. На плечах у него зелёная с золотым отливом мантия. Придворные бегут за ним, придерживая мантию, высоко поднимая её на лестнице и переступая пороги. Вокруг него всё крутится, кипит, всем он раздаёт приказы и отчитывает тех, кто приказы исполняет нерадиво...

Так и мечтал он, пока не влюбился. Ему очень понравилась Жаба, жившая на Нижних прудах. Её буро-зелёная кожа была усыпана тёмно-коричневыми пятнами, словно бородавками, а рот был такой огромный, что каждому, кто ее видел, казалось, будто она его сейчас проглотит. Словоохотливому ухажёру очень интересно было с ней поболтать. Жаба была столь же искусной в разговорном жанре и не усту-

пала Лягушонку в умении посмеяться над другими. Бывало, и он попадал на её острый язык, но это ему даже нравилось. Это взбадривало Лягушонка, и ему не приходилось искать повод для состязания в остроумии. Но чаще инициатором словесных баталий выступал сам.

– Ваши Нижние пруды совсем превратились в болото! Скоро в них не останется воды, и вам придётся перебираться к нам.

– Размечтался! – отвечала Жаба. – Скорее вода из Верхних прудов перетечёт к нам и вы переселитесь сюда.

– Нет, вода с Верхних прудов никуда не собирается перетекать. У нас тишь да гладь – Божья благодать. И рыбки плавают, и рыбаки по берегам сидят, – парировал Лягушонок.

Так они встречались и спорили, пока Жаба вдруг не исчезла.

«Куда она запропастилась?» – думал Лягушонок, не решаясь напрямую спросить у обитателей Нижних прудов.

«Ведь ты всё лучше других знаешь, – могли сказать они. – Что же ты к нам обращаешься?»

Несколько дней он держался, а потом стал как бы между прочим спрашивать про Жабу всех, кто ему встречался.

– Не видать тебе твою Жабу, – ответила ему всеведущая Выдра, старейшая обитательница прудов. – Она дерзко разговаривала с Болотной феей, и та заколдовала её.

«Если бы мою!» – грустно вздохнул Лягушонок. И чтобы заглушить в себе тоску по Жабе, стал ещё настойчивее меч-

тать о царском дворце. Уж там-то он забыл бы свою неудачную любовь. И что он к этой Жабе так привязался? Ведь, если честно, ни кожи, ни рожи... То есть наоборот, кожа да рожа... А там, во дворце, он утешился бы безмерной властью и нескончаемым выбором привлекательных особ.

Тучи комаров носились над Верхними и Нижними прудами, слабо утоляя растущий аппетит Лягушонка. Вот если бы он сидел за столом во дворце и вкушал царские яства!.. А тут эти комары-пустозвоны!.. Не успеваешь рот открывать, а в желудке всё равно пусто.

По берегам не только сидели рыбаки, но и бродили охотники с ружьями наперевес, выслеживая дичь. Они палили что есть мочи по бедным уткам, бекасам и крохотным вальдшнепам. А если дичь не попадалась, стреляли по чему придётся.

Однажды они подстрелили волшебного Селезня. К счастью, он выжил, но потерял способность летать.

– Что, старина, – фамильярно обратился к нему Лягушонок, – придётся тебе инвалидность оформлять?

– Ты, как всегда, прав, наблюдательный Луш, – доброжелательно ответил Селезень. – Но если бы ты нашёл большое перо из моего крыла и приладил его на место, я вновь смог бы летать.

– Где же я его найду? Ты в своём уме? Да легче иголку в стог сена сыскать...

– А ты попробуй. Я ведь в долгу не останусь... Поплавай

у спиленной бобрами осины, может, оно там где-то затерялось...

Тщеславный Лягушонок отправился на поиски, и вскоре они увенчались успехом.

– Вот твоё перо! – с гордостью победителя заявил Лягушонок, притащив его Селезню.

– Благодарю тебя! А теперь постарайся приладить его к моему правому крылу.

– Ты обещал...

– Не спеши. Как только перо будет на месте, сразу исполнится твоё самое заветное желание.

– Желание? Любое?

– Да, любое. Пожелаешь – можешь оказаться даже в царском дворце.

Лягушонок быстро смекнул, что Селезень – не простая утка, раз ему известно его заветное желание.

– Ладно, подставляй своё крыло, – согласился он.

И, как только приладил к крылу Селезня недостающее перо, тотчас очутился в царском дворце.

«Ёлки зелёные! – удивлялся он, оглядываясь вокруг. – Чудеса в решете!...»

Он медленно шлёпал по длинному коридору, не зная, в какую дверь войти. За ним, спадая с плеч, волочилась по дубовому паркету мантия. А на голове был какой-то непривычный предмет. Лягушонок потрогал его – это оказалась корона.

«Ничего себе! Вот это да!.. Впрочем, разве я не достоин...»

Тут к нему подскочили придворные и затараторили:

– Ваше величество, пожалуйста сюда!.. Ваше величество, пойдите туда!.. Вас ожидают в зале приёмов!..

Подхватив мантию, его ввели в просторную залу.

– Позвольте представить вам нашего нового царя, – торжественно объявил Главный распорядитель двора. – Луш Четырнадцатый!

– Да здравствует Луш Четыр-р-рнадцатый! – разнеслось по всему дворцу. – Виват нашему царю!

– Какой же это царь? – тихо произнёс министр финансов и законных операций. – Это же... обыкновенная лягушка.

– Ваше высокопревосходительство, – возразил ему министр культуры и культурных развлечений, – не торопитесь с выводами. Может, он просто так нарядился. Прикальвается, как говорит молодёжь. Не сесть бы нам в лужу...

– Да, – встрепенулся министр финансов, прикидывая, не проще ли ему будет управлять финансовыми потоками при таком необычном царе. – Виват ново... нашему царю! – Да здравствует Луш Четырнадцатый!

– Как вам наш новый царь? – подошёл к ним министр полиции и полезных доносов.

– Какой базар, гражданин начальник! – сострил министр культуры. – Новый царь выше всех похвал!

Но тут заиграла музыка, и никто никого уже не слышал.

Все закружились в вихре танца. Фрейлины наперебой стремились пройти хоть круг с новым царём. Луш XIV подхватывал то одну, то другую красавицу и неумоимо скакал по всей зале, а в перерывах поглощал шампанское.

Царская жизнь закрутила Лягушонка, который за короткое время превратился в настоящего царя. Луш Четырнадцатый! Это звучит громко. И никто уже спорить с ним не посмеет... Хотя почему-то скучно становилось от этого. То ли дело Жаба! С каким удовольствием он поболтал бы сейчас с ней. Попикировался... Он ей слово – она ему десять. А здесь!.. Скука одна... Танцы-шманцы, бесконечное шампанское, от которого только живот пучит. Да ещё какие-то бумаги приходится подписывать: то один министр прётся со своими глупостями, то другой...

Да ещё всякие послы понаехали!

– Ваше величество, – появился откуда ни возьмись юркий секретарь, – проследуйте, пожалуйста, в зал переговоров. Послы Кастиляндии уже прибыли.

– Послы? – с удивлением переспросил Луш Четырнадцатый. – Какой такой Кастиляндии?

– Ну как же, ваше величество, я же вам вчера докладывал...

«Так, – соображал Лягушонок, – я во дворце, вроде как царь. Переговоры... Ну раз Селезень сделал меня царём, то должен был дать и разумение вести царские дела».

Луш Четырнадцатый успокоился и скачущей походкой во-

шёл в зал переговоров. Иностранные послы манерно раскладывались с царём.

Переговоры тянулись два часа кряду, и Лягушонок, вытирая батистовым платком вспотевший лоб, непрестанно думал о том, что ничего скучнее в его жизни не было. Ему хотелось побегать, попрыгать, хотелось оказаться на Нижних прудах... Но тут всех позвали к обеденному столу.

Царь сидел во главе и смотрел на придворных, гостей и каких-то расфуфыренных дам. По привычке начинал отпускать колкости в чей-нибудь адрес, ожидая остроумного ответа, а то и спора. Но на любое высказывание царя все присутствующие отвечали поклонами, улыбками и притворным смехом.

– Одно лицемерие, – буркнул Лягушонок себе под нос и углубился в поглощение обеда.

Он ел заливное из стерляди, жареного поросёнка с хреном, утку, запечённую с яблоками (уж не Селезень ли?!), пил разные настойки и заморские вина, что в конце концов привело к страшному отягощению утробы. Последний бисквит уже никак не лез в рот, но хозяин стола убедил себя, что должен откусать и его.

Едва живой, Луш выбрался из-за стола и проследовал в опочивальню. Его живот был набит так туго, что глаза вылезали из орбит.

Послеобеденный сон был так же тяжёл, как сам обед, отчего царь проснулся совсем не отдохнувшим и в ещё более

дурном расположении духа.

Заскучал Лягушонок по-настоящему. Несмотря на постоянные обильные обеды, стал худеть. Всё чаще вспоминал Жабу, и никакие развлечения не выводили его из хандры.

– Царя надо женить, – предложил Главный распорядитель двора.

– Надо! – подтвердил министр полиции и полезных доносов, у которого была дочь на выданье. – Да только непонятно, какие у него вкусы.

– Вкусы вкусами, – вставил министр культуры и культурных развлечений, – а порядочная жена никогда не помешает. Опять же наследник нужен.

Невесты шли, что называется, косяком и были одна лучше другой. Но царь не только не проявил интереса, а слёг и даже порой бредил от жара.



– Жа... Жа... а-а! – звал он кого-то.

– Какую-то Жанну зовет, – недоумевали придворные лекари.

Делать нечего, стали искать Жанну. И нашли. Дева оказалась невиданной красоты! Когда она появилась во дворце, все обмлели.

– Необыкновенно хороша! – с видом знатока сказал министр культуры и культурных развлечений. – Неужели тако-

му... скользкому царю достанется?! – Оказывается, двор всё ещё смущался мыслями о том, что у них царствует лягушка.

Лушу тоже понравилась внешность невесты. Вот только не чувствовалось в ней жизненного огня, была она будто полуживая. Механически двигалась, дежурно улыбалась, смотрела на всех, в том числе и на своего суженого, без малейшего интереса.

– Может, она заколдована кем-нибудь? – предположил жёних.

– Так точно, ваше величество! – отчеканил министр полиции и полезных доносов. – Заколдована.

– Надо расколдовать!

– Это зависит от вашего величества, ваше величество. И от неё. Она должна поцеловать вас, ваше величество.

Луш благосклонно заулыбался и направился к невесте. Этикет такого не предусматривал, но все одобрили демократизм царя.

– Какой простой!.. – зашептали придворные.

– Способен на высокие чувства...

– Ещё бы! Такая красота! Любой первым побежит...

Красавица Жанна тоже сделала шаг вперёд и наклонилась, чтобы поцеловать Луша. И в тот момент, как состоялся поцелуй, превратилась... в обыкновенную буро-коричневую жабу.

– Моя Жаба! – изумился Луш и потерял сознание.

...Очнулся Лягушонок на берегу пруда. Первые лучи

солнца проглядывали сквозь деревья. Утренняя прохлада благотворно действовала не только на тело, но и на душу. Звонкие комары кружились тучей и возбуждали аппетит. Лягушонок наспех проглотил несколько десятков и осмотрелся. Рядом сидела его возлюбленная Жан... Жаба!

Её взгляд был ласков и многозначителен.

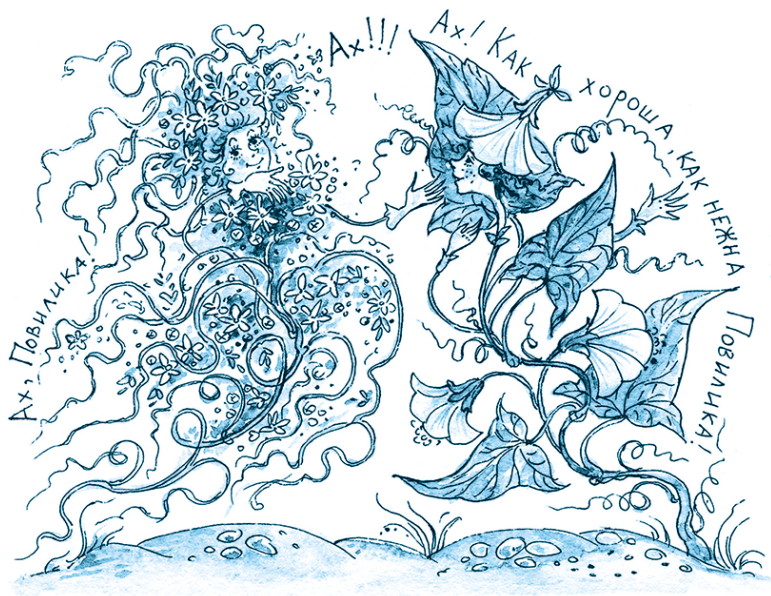
– Как я ждала тебя! – воскликнула она вместо обычных колкостей и насмешек.

– И я! – расплылся в счастливой улыбке Лягушонок.

И поцеловал Жабку крепко-крепко, чтобы колдовство не вернулось к ней никогда.

Стройный хор лягушек-квакушек исполнил вальс Мендельсона, после чего обитатели Верхних и Нижних прудов начали свадебный пир.

Ах, повилика!



Не было на всём садово-огородном участке растения более сильного и цепкого, чем вьюн. К кому бы он ни приближался, ни для кого это ничем хорошим не заканчивалось. Растение попадало в крепкие объятия ловкого вьюна и начисто лишалось свободы.

Но вот увидел молодой вьюнок повилику – тонкую, неж-

ную, воздушную. Даже корень, которым она соединялась с землёй, был почти незаметен, трудно было и поверить, что она питается соками земли, а не воздухом. Очаровательна была повилика!

Вела себя она скромно: потихоньку стелилась по земле, никого не задевая и никому не навязываясь. Только вздыхала иногда тоненьким голоском, обращаясь к соседу:

– Ах, какой ты, вьюнок, сильный и красивый! До чего же зелены твои листочки и как хороши на тебе бело-розовые колокольчики!

Голос её проникал прямо в душу, и сердце вьюнка затрепетало.

Полюбил он повилику, хотя сам себе в этом ещё не признавался. Тем более ей.

Весна набирала силу, всё ярче светило солнце, пробуждая к жизни всякую травинку и былинку.

Рос на открытом участке сада и подсолнух. Утром, с первыми лучами солнца, он поднимал свою растущую, пока ещё величиной с детский кулачок голову и подставлял круглое лицо свету.

– Что ты задираешь нос? – укорял его вьюн. – Никого не видишь, ни с кем не хочешь разговаривать! Ты, видно, никого не любишь!

– Ну что ты, вьюнок, – отвечал подсолнух. – Любить – это наше предназначение. Но чтобы любить какое-нибудь растение или даже красивый цветок, надо сначала по-настоя-

щему полюбить солнце. Ведь только оно даёт нам силы жить и любить.

– Подумаешь, солнце! – фыркнул вьюн. – Оно высоко и далеко от нас. За что его любить? А вот те, кто рядом... Посмотри, как хороша, как нежна повилика!..

– Повилика несомненно хороша! – согласился подсолнух. – Но нельзя любить земное, не любя небесное.

Вьюн вполуха слушал своего рослого соседа, поскольку тот не разделял его чувства.

Ежедневно, раскрывая лепестки своих колокольчиков навстречу утренним лучам, просыпался вьюн с мыслями о нежной повилике, ждал, когда увидит её, услышит её неповторимый голос.

– Ах, вьюнок! Какой сегодня чудесный день! Я так рада тебя видеть, что мне даже не очень важно, светит ли на небе солнце.

– И я рад видеть тебя, повилика! Мне так хочется, чтобы ты всегда была рядом! Я готов цвести для тебя весь день и даже всю ночь.

– Ах! – самозабвенно шептала повилика. – Какой ты хороший! Я без тебя жить не могу!

– И я! – звенел своими бледными колокольчиками вьюнок. – Я тоже без тебя жить не могу! Ты вся такая неземная... Ты единственная, ты несравненная!

Вьюнок протянул свои молодые листочки повилике, и она нежно обвилась вокруг его стебелька. А он, потеряв от сча-

стья голову, обвился вокруг повилики.

Теперь вьюнок, просыпаясь утром, сразу мог любоваться своей ненаглядной. Отныне они были неразлучны.

Земля прогрелась и стала сухой. Повилика всё сильнее прижималась своими изящными присосками к стеблю вьюна. Корешок, который связывал её с землёй, пересох и оборвался. Она и вправду стала неземной, и вся её жизнь теперь зависела от вьюна.

– Ах! – томно вздыхала повилика. – Я жить без тебя не могу!

– Я всегда буду с тобой, – заверял её вьюн, – ты можешь положиться на меня. Моя любовь сделает тебя счастливой!

– Ах! – шептала повилика возлюбленному. – Как хорошо мне с тобой! А тебе?

– И мне с тобой хорошо, повилика! – с жаром соглашался вьюн и старался вобрать из почвы как можно больше соков, чтобы хватило на двоих.

Вьюн щедро дарил свои жизненные силы повилике, которая всё крепче и крепче впивалась присосками в его стебель. Когда накрапывал летний дождик, а в особенности после обильного грозового ливня, этих сил хватало. Но как только наступала засуха, вьюну приходилось тяжело.

– Ах! – горько вздыхала повилика. – Ты меня совсем не любишь!..

– Люблю, – вяло, будто оправдываясь, говорил вьюн. – Просто...

И чтобы доказать свою любовь, старался отдать повилике все жизненные соки. Он углублялся корнями в землю, высасывал из неё последнюю влагу и питал возлюбленную. Лишь бы ей было хорошо, только бы она не увяла. Повилика расцветала, разрасталась и уже обвивала не только своего выюна, но и молоденькие, сочные побеги выюнков рядом.

– Что же ты? – ревновал её выюн. – Я целыми днями стараюсь для тебя, выбиваюсь из последних сил, а ты...

– Ах, мне не хватает твоего внимания, – оправдывалась повилика, – ты стал какой-то безразличный. Я тебя уже не интересую, как раньше, тебя не вдохновляет моя любовь.

– Повилика! Я изо всех сил стараюсь обеспечить твоё благополучие. Но ты ненасытна. И у меня не хватает сил и питать тебя, и весь день с любовью на тебя смотреть.

– А вот у этих прелестных выюнков, – показывала повилика на молодые побеги, в которые она уже впиалась своими присосками, – хватает. И ты лучше не ворчи.

– Может, я тебе совсем не нужен? Пожалуйста, я тебя не держу. Оставь меня в покое и наслаждайся жизнью с юнцами-выюнками.

– Ах, что ты! Ты же знаешь, как я люблю тебя! Я жить без тебя не могу!

Выюн потихоньку оттаивал, вспоминал раннюю весну, когда он был одинок и жаждал любви. Вспоминал счастливые дни, когда обрёл свою повилику. Как хороша она была! Вся такая тонкая, изящная!.. Но воспоминаниями долго сыт

не будешь. Жизнь требовала новых усилий и решительных шагов.

– Обратись к светилу! – уговаривал изнемогающего вьюна подсолнух. – Оторвись хоть ненадолго от своей повилики. Ваша зависимость друг от друга закончится плачевно. Нельзя жить, не получая сил от солнца!

– Пока я буду пялиться на твоё солнце, повилика найдёт себе другого... Я докажу ей, что лучше меня никого нет.

– Ты опять только про неё! Взгляни же на солнце, погрейся в его ласковых лучах. Почувствуй его любовь, и тогда у тебя появятся силы любить повилику.

– Твоё солнце только сушит землю. Ты стал таким дылдой уж никак не благодаря солнцу. Если бы не было под тобой плодородного слоя почвы и питательных дождей, твой ствол не был бы таким толстым и мясистым, а твоя голова – усеянной вкусными семечками.

– Ты прав, плодородная земля тоже нужна, и вода... Но без солнца, без его животворящих лучей земля не сможет ничего родить, и вода ей не поможет.

Лёгкий ветерок перебирал золотистые лепестки подсолнуха, делая его ещё более живым и похожим на маленькое солнышко. Повилика давно уже засматривалась на статный подсолнух и даже пыталась подружиться с ним. Однако все её попытки обвить его массивный ствол заканчивались неудачей. Обвить-то получалось, а вот присосаться и начать пить жизненные соки – никак!

– Фу, толстокожий! – возмутилась повилика и оставила свои попытки.

А подсолнух самозабвенно тянулся к солнцу, даже не замечая её ухаживаний.

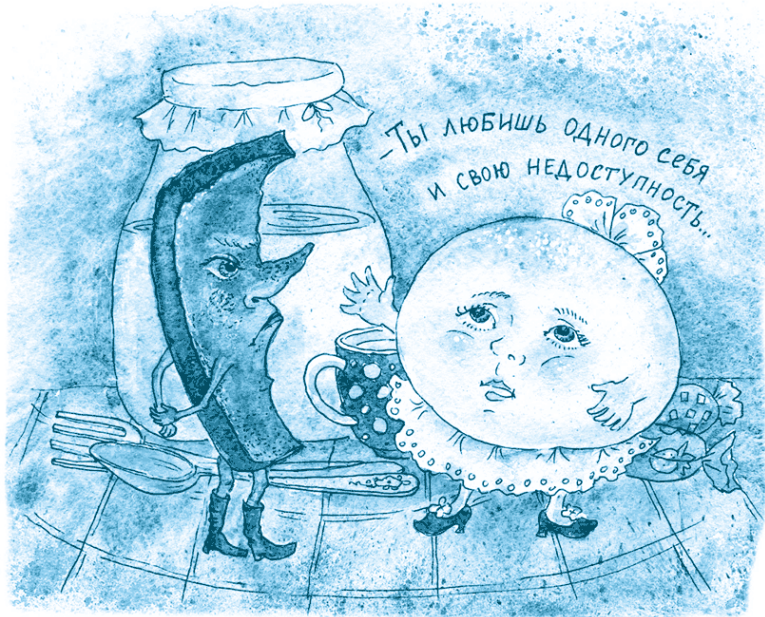
Вьюн же сколько ни старался, а больше, чем ему было отведено земной природой, дать любимой не мог. Большинство его некогда звонких колокольчиков в разгар лета засохло, а те, что ещё бледнели на ярком фоне зеленеющей повилики, роняли на землю последние семена.

Повилика, ловко извиваясь, освободилась от безвременно засохшего вьюна, подползла к плодоносящему крыжовнику и воскликнула:

– Ах! Какой ты пышный и красивый! Как налились твои янтарно-зелёные ягодки!..



Сухарь



Жил на столе Сухарь. Он так окаменел, что его не могли сгрызть даже мыши.

Когда-то Сухарь был просто засохшим куском хлеба, и оставалась ещё надежда, что его кто-нибудь съест. Но он так старательно избегал этого, что никому не отдал ни крупинцы своего хлебного существа. Иногда он терялся среди дру-

гих кусков хлеба, чтобы те первыми стали кому-нибудь пищей. Иногда принимал столь непривлекательный вид, что тянувшаяся к нему рука вдруг меняла направление и брала другой кусок. А иногда, уже оказавшись в чьей-нибудь руке, так напрягался, что, покрутив Сухарь или постучав им по столу, водворяли его на место.

Сухарь очень гордился своим особым положением и, после того как совсем окаменел и стал недоступен даже очень крепким зубам, провозгласил себя независимым.

Он лежал на столе и насмехался над свежими хлебами, которые появлялись в хлебнице.

– Эй, Каравай – кого хочешь выбирай... Тебя сегодня же и выберут! Корку твою подгоревшую срежут и в мусор выкинут, а тебя... на кусочки, на кусочки – и... ам!

– А ты, Батон, что надулся? Думаешь, ты тут надолго? Завтра утром намажут на тебя масло – ты ведь с виду только такой привлекательный, а без масла-то тебя и в рот не всунешь, – и-и... поминай как звали!

Хлебы ничего не отвечали на выпады Сухаря. Они понимали, что их рано или поздно должны съесть, но ведь в этом и заключается их предназначение.

Иногда, впрочем, попадались экземпляры с характером, и тогда разгорался скандал.

– Ну, Рогалик, ты и рогалик! Какой рогатый тебя придумал! Это ж курам на смех!.. И всем честным хлебам тоже, – начинал Сухарь.

– Не тебе говорить, Сухарь замшелый! Ты-то даже и курам не нужен! – огрызнулся Рогалик.

– Это я-то не нужен?! Я нужен всем! Но я – свободный сухарь! И я сам знаю, кто мне нужен.

– Ты не нужен никому! Тебя и в руки-то страшно взять.

– Почему это страшно? – с чувством собственного достоинства возражал Сухарь. – Я и с виду хорош, и изнутри. И постоять за себя умею!

Вскоре все поняли, что любые разговоры с Сухарём бесполезны, и прекратили с ним общение.

Сухарь почувствовал, что его стали избегать, но не изменил своего отношения к другим, утешаясь мелкими уколами:

– Эй вы, Крошки хлебные, вы-то что тут мельтешите? Сейчас вас всех со стола в мусор сметут.

Однажды на столе появилась Булочка. Она была нежная и румяная, с круглыми мягкими боками, сверху посыпана сахарной пудрой. Булочка понравилась Сухарю, и он подружился с ней. Но дружба ему давалась трудно, потому что он никогда никому не сделал ничего хорошего, не сказал ни одного доброго слова. Когда он начинал говорить Булочке о том, какие все вокруг глупые и несуразные, что он один правильно понимает хлебную жизнь, Булочка в ответ только улыбалась. И тогда Сухарь, с трудом сдерживая раздражение, снисходительно говорил ей:

– Толстуха ты... наша, – он хотел бы сказать «моя»,

но у него не поворачивался язык, – все тебе кажутся добрыми и красивыми. Да, конечно, все красивые, пока их чьи-то зубки не коснутся...

Булочка прощала ему всё, только иногда хотела бы услышать ласковое слово, но, так и не дождавшись, тихо грустила.

Она нравилась Сухарю всё больше и больше, он захотел обнять её и... только оцарапал.

– Ты совсем не любишь меня, – по-настоящему обиделась Булочка. – Ты любишь одного себя и свою недоступность.

...Наступил полдник, и детские ручки быстро разобрали все до одного кусочки нежного румяного естества мягкой булочки.

Сухарь остался один. Ему было жаль Булочку. Жалко стало и себя, и так горько от своей чёрствости и ненужности, что захотелось заплакать. Но и это у Сухаря не получилось. Слез не было в его высохшем и окаменелом сердце.

Теперь Сухарь завидовал пышным батонам и сладким плюшкам. Конечно, тесто, из которого они сделаны, подходит в тепле, именно поэтому они получаются мягкими и вкусными, всем нужными... А как бедному несчастному Сухарю стать мягким хлебом?.. Он завидовал даже коркам и мелким крошкам, которые во дворе сразу склёвывали куры или налетевшие птицы. И когда окончательно устал от себя и своих переживаний, решил, чего бы это ему ни стоило, хоть кому-нибудь стать полезным.

В это время случилась в доме большая уборка к праздни-

ку. Выметали всё ненужное, мыли все углы... Выкинули вместе с другими старыми корками и Сухарь. Он обрадовался, решил, что уж теперь-то найдётся и на него охотник. Но... Прибежали цыплята, попробовали его поклевать и поняли, что это не по силам их неокрепшим клювикам. Поиграл Сухарём щенок, да только Сухарь – не кость, играть им неинтересно. Подходили ночью мыши. Одна попыталась укусить Сухарь, но сломала зуб и убежала. Другая походила вокруг, понюхала, решила, что это камень, и принялась грызть душистый обмылок, который валялся неподалеку.

Утром взошло солнце, и Сухарь понял, что ему никогда не перестать быть Сухарём. Солнечные лучи ещё больше высушат его. Хотя куда уж больше-то...

И тогда Сухарь решил: будь что будет! солнце так солнце... умирать так умирать!..

Великолепное утро будило всю природу. Пушистый котёнок, напившись молока, выбежал во двор и случайно окропил Сухарь. Тот не ожидал такой напасти и потому не успел ни сжать до предела свои поры, ни спрятаться под листом лопуха. Сухарь впитал всю влагу и, что для него было удивительно, начал вдруг умягчаться. Оказывается, он даже не представлял, как это хорошо! Как приятно!.. И какая разница, что явилось причиной...

А вскоре пошёл тёплый дождик и окончательно размягчил Сухарь.

Он блаженно лежал под потоками приятной, живительной

влаги, впитывал её и становился всё мягче и мягче. А когда уже более не мог впитывать, влага текла через него – будто он оплакивал свою чёрствую, никчёмную жизнь. И от этого ему становилось всё легче и легче.

Сухарь лежал после дождя, размякший и напитанный влагой, под лучами ласкового солнца. Пребывая в этом незнакомом ему состоянии, он так забылся, что даже не заметил, как к нему приблизился старый козёл с пожелтевшими клочками свалявшейся шерсти на боках. Когда же увидел, то очень пожалел, что так размяк, что ему некуда деваться и сейчас он достанется противному рогатому козлу. Но быстро одёрнул себя: зачем жалеть, если хотел быть кому-то нужным и полезным...

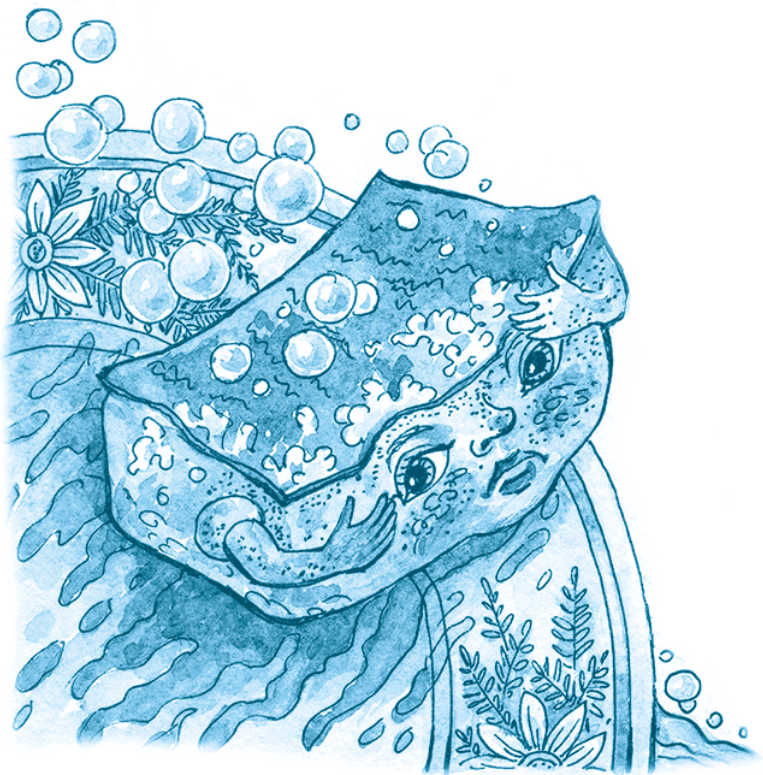
Только Сухарь смирился со своей участью, послышался голос бабки-соседки:

– Где тебя носит, старый хрыч!.. А ну, пошёл домой!

Козёл, ухватив зубами бывший сухарь, засеменил к дому, убегая от ударов злой хворостины.

А Сухарю стало легко и радостно, как никогда в жизни...

Губка



Жила на раковине синяя Губка. У неё было два слоя: толстый – помягче и тонкий – более жёсткий. Если грязь

свежая, достаточно было провести мягкой стороной, чтобы смыть её. Если же оказывалась старой, засохшей, то приходилось тереть жёстким слоем, сдирая заскорузлость. Губке нравилось быть посудомойкой, особенно когда после трудов праведных её промывали чистой водой, и она, возлежав на краю раковины, смотрела на блестящие тарелки, выстроенные на сушилке в ряд.

Губке жилось бы неплохо, если бы не одно её свойство – впитывать любую жидкость, с которой она соприкасалась. Касаясь грязи, она впитывала грязь; вымывая жирный бульон, впитывала жир. Если мыла банку с прокисшим рассолом, то впитывала не только рассол, но и противный кислый запах, который потом долго не выветривался. Но после полоскания в свежей проточной воде Губка становилась чистой и свежей. Иногда её промывали каким-нибудь ароматным средством, чтобы удалить всё то, что забилось в поры. После этой процедуры она благоухала и была словно новорождённая.

Однако не всегда жизнь Губки шла размеренно и чётко: сначала работа – пусть грязная, но необходимая, потом очищение и отдых.

Бывало, наполнив Губку всякой грязью, её оставляли, не только не промыв, но даже не выжав. Тогда Губку начинало распирать, она мучилась от переполнявшей её нечистоты и, если рядом появлялось какое-нибудь чистое существо, тотчас изливала на него грязь. Белое блюдце покрывалось

коричневыми разводами; изящная чашка, которая отродясь, кроме кофейного духа, ничем не благоухала, начинала пахнуть сырой протухшей тряпкой. Губка с ужасом понимала, что это натворила она, поборница чистоты, и просила прощения.

Своими переживаниями она однажды поделилась с Графином:

– Ты всегда такой чистый, прозрачный... Как мне стать такой же?

– Ну, Губка, дорогая, – великодушно произнёс Графин, – надо же иметь дело только с теми, кто чист. Зачем в грязь лезть!.. Люди пьют чистую воду, поэтому, даже если появляется какой-то осадок, они тотчас выплескивают его и промывают меня.

«Хорошо, конечно, – подумала Губка, – когда все заботятся о твоей чистоте... Но ведь я не буду губкой, если начну избегать грязи».

И действительно, Губка даже не успевала подумать, что, оказав кому-то услугу, сама станет грязной, и всегда быстро принималась за работу.

Однажды она мыла Дуршлаг и спросила его:

– Как оставаться чистой?

– Для этого, – ответил незамысловатый Дуршлаг, – надо иметь большие дырки. Что пришло, то и ушло.

«Это было бы неплохо, – подумала Губка, – но для меня совершенно невозможно».

На такой же вопрос умный мельхиоровый Половник ответил:

– У тебя, Губка, две части: одна мягкая – она легко впитывает всякую жидкость, другая жёсткая – она пропускает через себя гораздо меньше. Старайся поворачиваться ко всем жёсткой стороной.

Губка пыталась воспользоваться этим советом, но чаще всего это у неё не получалось. В работе она забывалась, старалась сделать как лучше для других, а не как выгоднее для неё, и в результате набирала грязи столько же, сколько обычно.

Один раз она обратилась к куску Мыла:

– Ты хорошо пахнешь, к тебе не пристаёт никакая грязь. Скажи мне, как научиться быть всегда чистой?

– Видишь ли, – глубокомысленно сказала Мыло, – у каждого есть своё предназначение. Мы, мыльные существа, внутри неизменны, всё отмываем, но век наш недолог. Мы не жалеем себя, служим каждому нуждающемуся в нас. Но чем грязнее нуждающийся, тем больше нам приходится растрачивать себя. Главное – не жалеть об этом.

– Да-а, – глубоко вздохнула Губка, понимая, что ей никогда не стать куском мыла.

Тогда она обратилась к водопроводному Крану:

– Ты выпускаешь только чистую воду. Как тебе это удается?

– Скажу тебе, Губка, откровенно: я тут ни при чём. Како-

ва вода в трубе, такова она и во мне. Весной будут бороться с разной гадостью, и будет моя вода пахнуть хлоркой. А если перекроют воду, то я совсем заржавею, и даже новый поток не очистит меня. Так что вся надежда на чистоту протекающей воды.

«Да-а! – подумала Губка. – Но ведь кому-то надо и грязь отмывать. А всё же Кран молодец! Хороший дал совет: чтобы через нас проходило больше чистой воды».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.